

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО И. С. ШМЕЛЕВА

Л. А. Спиридонова
(г. Москва)

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ (И. ШМЕЛЕВ И С. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ)

Можно усмотреть Божий промысл в том, что год 2000-летия христианства совпал с юбилеями двух замечательных русских писателей и дал начало их новой жизни в новом тысячелетии. В конце мая этого года прах Ивана Сергеевича Шмелева и его жены Ольги Александровны через пятьдесят лет после смерти писателя вернулся в Россию и, согласно его завещанию, был захоронен в некрополе Донского монастыря. Внучатый племянник Шмелева г-н И. Жантийом тогда же передал в Российский Фонд Культуры 16 коробок бесценного архива писателя, который до сих пор был недоступен исследователям. Таким образом, Шмелев вернулся на родину вместе с каждой строкой, написанной им в годы эмиграции.

Это событие стало символом возрождения русской духовности, о чем красноречиво сказал на панихиде в Донском монастыре патриарх Московский и Всея Руси Алексей II. Огромная толпа народа, собравшаяся у могилы Шмелева, долго не расходилась. Люди, держа в руках букеты ландышей с красными свечами посередине, читали строки из «Богомолья» и «Лета Господня». И хотя день был на редкость солнечным и жарким, казалось, что именно тепло маленьких свечек согревает души людей.

Феномен Шмелева, который на рубеже веков превратился из полузабытого писателя-эмигранта в символ возрождения православной России, вполне объясним. Именно теперь, когда воссоединились две ветви русской литературы, насильственно разъединенные после 1917 года, а Россия пытается найти объединяющее начало в идее

* Здесь и далее примечания приведены в конце каждой статьи.

сильного православного государства, появилась возможность говорить о Шмелеве как о явлении духовной культуры. На открытии памятного бюста писателя в Замоскворечье профессор Реннского университета Д. М. Шаховской сказал: «Так хочется верить, что все это происходит в канун Лета Господня над Россией».

Лето Господне было для маленького Вани Шмелева первым уроком православия и благочестия. Много лет спустя, описывая церковные праздники и русские бытовые обряды, он изобразил их как незыблемую основу жизни каждого россиянина. Духовные странствия героя романов «Богомолье» и «Лето Господне» способствовали становлению личности, для которой Троице-Сергиева Лавра «есть защита необоримая», а соблюдение православных канонов — естественная потребность души. С неизменной любовью описывает Шмелев Рождество и Троицу, Михайлов день и Успенье, Покров и Егорьев день. В его произведениях воочию встают перед читателем Старый Валаам и Троице-Сергиева Лавра. Даже в эмигрантских произведениях приметы российского быта столь жизненны и колоритны, что кажутся списанными с натуры.

Для Шмелева истинно только то, что оваяно духом Божиим, что не противоречит учению Христа. Не случайно глава русской зарубежной церкви архиепископ Евкарпийский Сергей, выступая в Российском Фонде Культуры, сказал, что книги Шмелева стали для многих эмигрантов «школой детского благочестия», т. к. «подогревали интимное отношение к православной вере».

Шмелевское православие прежде всего бытовое, понятное и рафинированному интеллигенту, и простому люду. Каждый церковный праздник отмечен какими-то запоминающимися, только ему присущими деталями. «На Благовещение моченым яблоком утешаемся», «На Вознесенье пекли у нас лепешки из теста», «На Николин день справляли новоселье: привезли пирог и кулич, хлеб-соль, освятили с иконами из Горбачева, опили. Бабы принесли городской крендель, получили за поздравление и до ночи гуляли по деревне и пели песни»^{*1}.

Но за видимой простотой открывается читателям более глубокий смысл шмелевского постижения законов человеческих и Божиих, основ бытия. Это, прежде всего, вера в «таинство человеческой судьбы», совмещающей в себе земное и небесное. В рассказе «Старый Валаам» писатель размышляет о существовании *тайны*, позволяющей «объединить в душе, слить в себе нераздельно два разных мира — земное и небесное»^{*2}. Неграмотные монахи и схимники Валаама эту тайну постигли: «Небесное для них стало таким же близким, таким же почти своим, как видимость».

Посетив Валаам совсем молодым человеком, Шмелев тоже постиг тайну истинной глубины и силы человеческой личности. Подвиг морального совершенствования во имя Господа, который совершают обитатели Валаама, превращает и их, и паломников в «духовных людей». В монастыре господствует один закон: «Божий лик уважают в человеке»^{*3}. Труд здесь считают подвигом, таким же святым, как молитва. Наблюдая за монастырской жизнью, студент Шмелев понимает «великое»: «Закрыты человеческие судьбы: в явлениях случайных и незначительных таятся порой великие содержания: будь осторожен в оценках, в трудную пору испытаний не падай духом, верь в душу человека»^{*4}.

Сам писатель всю жизнь свято соблюдал заветы Христовы, пытаясь исцелить «сокрушенных духом». Для многих эмигрантов его светлые страницы о России ушедшей и грядущей были целебным бальзамом от ностальгии. Чуткая душа писателя, пережившего нравственную пытку после ареста и гибели единственного сына, стала камертоном всех земных страданий. Поистине он выполнял завет: «Возьмите игло мое на себя» и облегчал жизнь страждущим, утешал отчаявшихся.

В эпопее «Солнце мертвых» Шмелев выступает как защитник всего живого: птиц, зверей, растений, самой Земли. Прочитав книгу в переводе на французский язык, Р. Роллан писал Шмелеву 22 февраля 1925 г.: «Человечество есть и всегда было палач и жертва. И в зависимости от того, куда повернет колесо, сколько жертв в свою очередь становятся палачами! История рода человеческого — тяжелая история, когда ее очистишь от всякой лжи»^{*5}. Эпопея Шмелева — это беспощадно правдивая летопись событий гражданской войны в Крыму, произведение общечеловеческого значения, в котором страдания отдельной личности рассматриваются на фоне всемирной трагедии истории. Образ автора возвышается в ней до символа Христа, принимающего на себя непосильный груз людской боли. В том же письме Р. Роллан писал: «Я чувствую Ваши страдания. Вы — распятый. Я тоже был бы им, если бы мне довелось увидеть то, что видели Вы»^{*6}.

Все творчество Шмелева было пронизано болью за Россию и русского человека, надеждой на возрождение православия. Шмелевская концепция нерасторжимости прошлого, настоящего и будущего вела его к признанию идеи очищающего страдания, которое способствует воскрешению души человека. Писатель верил, что и Россия, прошедшая через крестные муки войн и революций, возродится к новой жизни, освященной Высшим Божественным идеалом.

Вера в чудо преображения России и человека сближает Шмелева с Сергеевым-Ценским. Их духовное родство проявилось в годы граж-

данской войны, когда оба писателя жили в Алуште рядом друг с другом и испытали все ужасы крымской трагедии. Сергеев-Ценский столь же беспощадно оценивал текущие события, как и Шмелев. Это подтверждают неопубликованные письма к Чуковскому. 30 июня 1921 г. он писал: «А меня в 18-м году Ваши коллеги едва не застрелили. Спасся чудом, выпрыгнув со 2-го этажа под выстрелами на мостовую, а потом умчавшись на собственных лошадях в татарские деревни. Конечно, у меня все конфисковали и ограбили.

В 19-м году меня ограбили только со стороны моего живого инвентаря, а в 20-м мне прислали мандат неприкосновенности. Так воссиял мировой свет разума. Теперь, говорят, скоро будет дана свобода труда и *horribile dictu* (страшно сказать — лат.) — передвижения! Может быть, дадут еще право смотреть глазами, слушать ушами и есть ртом. Последнее право должны непременно дать, так как есть все равно нечего, и этот декрет должен быть изображен печатно: «Есть хлеб и свободно говорить с обитателями планеты Сатурн и кометы Галлея не воспрещается»^{*7}. Едкая ирония по адресу большевиков, звучащая в этом и других письмах Сергеева-Ценского, заставляет нас по-новому посмотреть на его творчество этого периода. Выясняется, что будущий классик советской литературы и член-корреспондент Академии наук тоже готов был эмигрировать следом за Шмелевым, о чем писал Чуковскому.

Несмотря на разность судеб, оба писателя верили в грядущее возрождение России. В октябре 1919 г. Шмелев написал в Алуште сказку «Степное чудо», в которой изобразил Русь в виде умирающей бабы, которую грабят все, кому не лень: жадный мужик, корыстолюбивый солдат, лихой матрос. Спасают ее воин, который «Родину шел-искал»^{*8}, и святой Микола-угодник. На крик воина «С нами Бог» отзываются не люди, не друзья, а братья во Христе.

Свое решение вопроса о спасении России предлагает и Сергеев-Ценский в эпосе «Преображение России». Замысел ее относится к 1910 году. 11 июля этого года он писал Чуковскому: «...одолевает «романическое» настроение: затеваю роман большущий, называться он будет «Вера, Надежда, Любовь». Займет 20–25 листов». Перед нами — первый набросок огромной эпопеи, которую Сергеев-Ценский будет писать большую часть жизни. Примечательно, что она была задумана как роман о судьбах русских людей, а потом переросла в произведение о судьбе России.

Первый роман этого цикла — «Валя», напечатанный в 1914 году, не претендовал на решение вопроса о судьбах страны и общества. Лишь

после Октября 1917 г. Сергеев-Ценский стал развивать тему преобразования русской жизни. Он писал: «Революция показала мне, что преобразование русской жизни, чаемое мною и нашедшее было для своего художественного воплощения образы чисто интимные, разлилось слишком широко, и для меня, зрителя совершившихся событий, представилась ясная возможность раздвинуть былые рамки романа, чтобы посильно отразить происшедшее. И первые части посвящены зарисовке довоенных переживаний, средние — войне, последние — революции»^{*10}.

Вслед за книгами «Валя» и «Обреченные на гибель» Сергеев-Ценский пишет романы «Зауряд-полк», «Массы, машины, стихии», где описывает настроения масс накануне революции, взаимоотношения разных социальных групп, но более всего уделяет внимание изображению событий первой мировой войны. В центре внимания писателя — Воин, будь то генерал Брусилов или прапорщик Ливенцев. Даже написанные в 1942–1943 гг. романы «Бурная весна» и «Горячее лето» посвящены брусиловскому прорыву русских войск в 1916 г. Можно сказать, что основная тема эпопеи — героизм и мужество русского человека в тяжкую годину войн и революций. Преобразование жизни в стране неотделимо для писателя от преобразования личности, перестройки социальных отношений.

К. Бальмонт в очерке «Горящее сердце», рисуя психологический портрет И. С. Шмелева, заметил: «Русской дорогой исходит Шмелев из пустырей и дебрей исторического нашего Горя-Злочастия. Беспрерывным служением незагашаемой правде Креста. Он — живой костер жертвенного переживания — того, что в мире, — того, что судьбинным ходом превратило Россию в святую Мученицу, ждущую своего избавления от пыток. Он — неугасимая лампада призывного творческого слова, которое давно не звучало у нас так глубинно. Потонула Родная Святыня — и не потонула. Слышен молитвенный зов из глубокого затона»^{*11}.

Этот молитвенный зов слышал и Сергеев-Ценский. Оба писателя верили, что Россия возродится с помощью беззаветно преданного ей Воина. Не только в сказке «Степное чудо», но и в статьях «Душа Родины», «Крестный подвиг», и др. Шмелев воспевал Белую Армию, воины которой «к какому бы слою они ни принадлежали — аристократы ли по рождению, крестьяне, казаки, дворяне, горожане — истинные сыны России, аристократы духом. Ее душа»^{*12}. Именно такой воин помогает умирающей бабе в сказке «Степное чудо» подняться на ноги и снова стать могучей бескрайней страной. Это чудо происходит после того, как Воин принял на себя «святий огонь» — и прожег себе грудь Крестом».

Сергеев-Ценский, писавший эпопею «Преображение России» в годы советской власти, не мог, разумеется, славить белое движение. Но посмотрим, насколько жизненнее вылепленные им монументальные образы генерала Брусилова или Алексева, чем схематичный образ инженера Слесарева — нового человека, воспитанного советской действительностью — в романе «Искать, всегда искать». Подлинными героями Сергеева-Ценского не только в эпопее «Преображение России», но и «Севастопольской страде» являются мужественные, беззаветно преданные своей родине русские люди, защищающие страну ценой собственной жизни (адмиралы Нахимов и Корнилов, хирург Пирогов, матрос Кошка). Люди большого бесстрашия и большой любви, они вполне заслуживают высокого звания Воин.

Идя разными путями, отделенные друг от друга железным занавесом, Шмелев и Сергеев-Ценский всем своим творчеством утверждали веру в русского человека и исторические судьбы России. Ожидая чуда ее преобразования, Шмелев писал о воинах: «Они смертью своей попрали Смерть. Смерть — России. И — да воскреснет!»^{*13}

Примечания

- *¹ Шмелев Иван. Светлая страница. Калуга, 1995, с. 424, 146.
- *² Там же, с. 430.
- *³ Там же, с. 441.
- *⁴ Там же.
- *⁵ Архив И. С. Шмелева в РФК.
- *⁶ Там же.
- *⁷ Архив К. И. Чуковского. Печатается с разрешения Е. Ц. Чуковской.
- *⁸ «Юг России». 1920. №140, 23 сентября.
- *⁹ Архив К. И. Чуковского. Печатается с разрешения Е. Ц. Чуковской.
- *¹⁰ Сергеев-Ценский С. Н. Избранное. М. 1950. С. 7.
- *¹¹ Шмелев И. С. Родное. М. 2000. С. 4.
- *¹² Шмелев И. С. Душа Родины. Сб. статей от 1924–1950 гг. Париж. 1967. С. 19.
- *¹³ Там же. С. 29.